

УДК 39(093)

А.В.Большакова

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИНСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ ВЕПСКОЙ КУЛЬТУРЕ (XIX — НАЧАЛО XX вв.)

Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина, Санкт-Петербург

The analysis of family planning, planning a number of children in it, maternal ways of upbringing and teaching children, attitude towards children and relations, which are similar to maternal or those which substitute them (baby-sitters, godparents, grandparents) in a traditional culture of Veps, smaller peoples of North-West of Russia, was attempt here.

Вопросы, связанные с положением вепской женщины в семье и обществе, в той или иной степени затрагивали в своих работах многие ученые XIX-XX вв. [1-16], но обобщающей работы по проблеме материнства в традиционной культуре вепсов доселе опубликовано не было. Между тем проблема эта в наши дни становится особенно актуальной — гендерные исследования являются заметным социальным и культурным явлением современности, а 2008 год в России объявлен «годом семьи».

По представлениям вепсов было грешно не иметь в браке детей. Во-первых, церковная концепция материнства видела в постоянном рождении «чад» оправдание сексуальных отношений супругов. Во-вторых, по церковным канонам бездетность, виновной в которой, как правило, считали женщину, была основанием для церковного развода. Грехом было рожать мертвых детей (верили, что мать заставят съесть мертвого малыша на том свете). Контрацепция практически отсутствовала. Вытравление плода практиковалось; оно осуждалось, но никаким образом не преследовалось. Однако большое количество детей в семье считалось наказанием от Бога: «Хорошо бы иметь девочку, как пестунью, да двух-трех мальчиков, а больше — одни грехи пойдут — дочерям приданое, наряды надо, а где возьмешь, коли достатка нет; сыновьям — земли, избы, а наделы-то невелики...» [17].

Тем не менее способность вепсянок к деторождению в XIX в. оценивалась этнографами как высокая. Из опрошенных В.Майновым 20 женщин четыре имели от 1 до 5 детей, шесть — от 5 до 10, девять — от 5 до 15 детей, а одна из женщин родила 21 ребенка (средняя детность — 8,4 ребенка). Случаи рождения незаконнорожденных детей у вепсов в XIX — начале XX вв. были довольно редки. Так, в 1863 г. среди вепсов Белозерского уезда Новгородской губернии зафиксировано 10,9% родившихся вне брака детей [18], тогда как в целом по стране в 1859 — 1863 гг. в городах рождалось около 26% внебрачных детей, а в деревне — 74% [19]. Источники начала XX в. также говорят об исключительности рождения детей у незамужних вепских девушек [см. 20,21].

Детская смертность тогда была высока: 40% родившихся детей умирали, поэтому период бере-

менности, первый год жизни ребенка были наиболее ритуализированы у вепсов, аналогичная ситуация наблюдалась у карел и финнов.

Женщина во время вынашивания ребенка должна была придерживаться множества обычаев, направленных на сохранение плода, имеющих как рациональное объяснение, так и иррациональных. Беременной запрещалось посещать похороны, кладбище, свадьбы, идти в крестные матери, перелезть через косые изгороди, садиться на камни, причинять вред животным, избегать встреч с самыми опасными из них — змеями, медведями. Нарушившим эти запреты грозили сглаз, выкидыш или рождение больного или некрасивого ребенка, вызванные воздействием духов — представителей потустороннего мира.

Однако главнейшим незыблемым правилом поведения беременной было занятие хозяйственными делами вплоть до наступления схваток. Считалось, что тяжелая физическая работа способствовала быстрому и благоприятному родоразрешению. Вследствие этого дети часто рождались в лесу, поле, на сенокосе и т.п. Наиболее благоприятным местом для родов считался хлев. Рожали также на повети (в сарае), в подполье. В бане рожали только белозерские вепсы [22].

Время наступления родов женщины пытались скрыть: во-первых, роды и роженицу считали нечистыми, — женщина должна «вину спрятать». Во-вторых, боялись сглаза — в этот период, как считалось, сглазить могли даже самые близкие люди. В-третьих, стремились облегчить страдания: «одна знаешь — одна боль, двое знают — вдвое больней, а многие знают — намного больней» [23].

Удачными считались роды, когда роженица, испросив разрешения рожать именно в этом месте у его духов-хозяев, управлялась самостоятельно, а затем звала свекровь и передавала ей ребенка [24]. Если роды затягивались, первой помощницей роженицы также являлась свекровь, а если она не могла справиться, звали знахарку или знахаря (baboi, tedai), а то и колдуна (poïd). Институт специальных повитух развит не был, а акушеров не приглашали. На Кенозере говорили, что «баба-голландка» (т.е. акушерка) «не умеет грыжу заговаривать» [25].

При очень тяжелых родах знахарь или колдун совершали ряд ритуальных действий, сопровождая их заговорами (*abutuž, ruheg*). Впрочем, эти заговоры знали многие из женщин, не считавшиеся *baboı* или *noıd* [26].

Когда роды состоялись, «бабить ребенка» (*babtä laps*), т.е. выполнять обязанности повитухи, чаще всего приходилось свекрови. Она обрезала пуповину (*nabanabuhm*) ножницами, приготовленными самой матерью, место среза смачивала материнским молоком, перевязывала пуповину волосами матери (в начале XX в. к волосам добавляли льняную нить). Пуповину сохраняли (прятали) и использовали как оберег ребенка от порчи, сглаза, беспокойства, детских болезней, а иногда ею лечили женское бесплодие (добавляли кусочки пуповины в еду) [27]. Свекровь должна была убрать послед (*nut'ta jälgeliized*) и закопать его в подполье перед передним углом или под порогом избы. Считалось, что чем аккуратнее свекровь уберет послед, тем скорее роженица поправится и сможет родить нового ребенка. Если женщину начинали одолевать женские болезни или бесплодие, то она обвиняла свекровь в плохом «захоронении» послета [28].

До появления у ребенка первого зуба, по представлениям вепсов, душа его была общей с матерью. Одновременно с прорезавшимся зубом он обретал жизненную силу и собственную душу [29]. До этого момента младенца старались никому не показывать, чтобы оградить его от сглаза. По этой же причине мать на любое одобрение, высказанное в адрес ребенка, должна была его обругать. Перед приходом гостей или выходом из дома ребенка старались не наряжать, чтобы он не привлекал внимания недобрых людей или духов, или даже мазали ему лицо сажей. Особенно берегли детей от черноглазых, с тяжелым характером или бездетных женщин — они считались способными «навести» на ребенка сглаз, болезни или даже смерть из зависти или просто из злобы [30].

Любое беспокойство малыша называли «призором». Защитить ребенка от воздействия недобрых сил могли обереги — выполняющие апотропеическую функцию материнские вещи: головная сорока с ячменными зернами, положенная в люльку, или завернутые в станушку матери камешек, кольцо от венка, железные изделия [31]. Само присутствие матери рядом с малышом действовало оберегающе. Однако женщина, родившая в разгар земледельческих или сенокосных работ, не могла долго находиться с ребенком. Она перепоручала его пестунье — или старухе, которая не могла уже ходить на подсеку, покос, или девочке, которая еще не повзрослела для этой работы.

Социализация ребенка начиналась первым внеением в дом и первым купанием (после купания новорожденного мальчика заворачивали в рубаху отца, а девочку — в станушку матери [32], чем стремились закрепить половую принадлежность ребенка). Следующая ступень социализации — крещение и воцерковление двух-шестинедельных детей. Крестили обычно в церкви, но иногда и дома. На крестинах обязательно присутствовали крестные мать (*r'ist'imam*) и отец (*ristiž*), обычно сестра отца и брат матери ребенка, а также «дед и бабка с обеих сторон» [33].

Вепсянки долго кормили своих детей грудью — до рождения следующего младенца или «пока сам не бросит, как стыдно станет» (т.е. до пяти лет) [34]. Первое кормление проходило обязательно на пороге избы и начиналось с правого соска. Если ребенок неохотно брал грудь, прибегали к особому обряду: встав у горячей печи, предлагали ребенку грудь и произносили заклинание: «Как ребенок льнет к теплу, так пусть льнет к материнской груди» [35]. Пока мать была на работе, пестунья кормила ребенка из рожка, а вернувшись с полевых работ мать давала ему грудь.

В начале XX в. среди ученых (Гризингер, Маудели) было распространено мнение, что продолжительное кормление ослабляет организм женщины и порождает самые разнообразные болезни, которые усугублялись антисанитарными условиями проживания роженицы и невозможностью оказания квалифицированной медицинской помощи вепсам, живущим в глухих лесах и болотах [36]. Часты были случаи возникновения «молочной лихорадки», появления кровотечений, нарушения душевного равновесия (в первые несколько часов, иногда в первые сутки, роженица чувствовала нервное возбуждение, ненависть к ребенку, затем до первых регул, т.е. приблизительно в течение 6 недель, это возбуждение либо спадало, либо перерастало в сумасшествие), что суеверные вепсы связывали с воздействием злых сил.

И светская, и церковная традиции требовали от матерей равного отношения ко всем детям, независимо от пола и эмоционально-индивидуальной привязанности, вменяли в обязанность лечить детей без какого-либо предпочтения. Традиционно, до создания системы здравоохранительных учреждений для вепсов (да и тогда, когда они появились), обязанность выхаживать детей считалась женской. Матери столетиями хранили и передавали по женской линии составы терапевтических средств, в том числе гинекологических, акушерских, педиатрических.

Воспитание, обучение и восприятие традиций семьи начиналось со дня рождения детей и заканчивалось моментом создания ими собственной семьи. Так, девочку (*neičukai/ ne, -žen*) с малых лет приучали к труду: с 2-3 до 5-6 лет она играла в игрушки, которые были копиями орудий женского труда — коробки, предметы утвари, посуда, куклы, прялочки, веретена, ткацкие станочки и т. п.; она воспринимала поучения в форме загадок, пословиц и поговорок, сказок, колыбельных песен, а кроме того видела перед собой пример матери, ежедневно занимавшейся крестьянским трудом. Уже с 7-8 и до 13-16 лет девочка разделяла с матерью все общие семейные работы: жатву, молотьбу, покос, работу в огороде, уход за скотом, а также училась стирать, нянчить детей, делать щелок для стирки белья, стирать на реке одежду, прясть, ткать, шить, вышивать и т.д. Одна работа сменяла другую, объем информации и физические нагрузки постепенно росли, но круг работ, очерченный в раннем детстве, сохранялся. С 13-16 лет девушка уже работала наравне со взрослыми и готовила для себя приданое [37]. Параллельно шел процесс стирания индивидуальных черт девушки, приобреталось знание обычаев, обычая и подчинение бытующим порядкам. На решение

хозяина (отца) выдать дочь замуж она обычно отвечала: «Я не знаю, как вы решите, так я и поступлю» [38]. Случалось, что родители, не имевшие возможности прокормить дочь, выдавали ее замуж еще до 16 лет: «Одну девку с куклам привезли, а старику было 30. Ей не больше 15 было» [39]. Вышедшая замуж девушка навсегда покидала родную семью, погостить в родительский дом она приезжала очень редко.

Потеря девушкой девственности до брака не осуждалась и не являлась препятствием для выхода замуж за «хорошего мужчину», однако забеременевшая девушка вызывала всеобщее осуждение. Она переставала посещать сборища молодежи, подруги избегали общения с ней, а парни подсмеивались [40]. Иногда такая девушка изгонялась из семьи, и тогда дети ее, взрослея, становились бобылями, живущими подаянием [41]. Чтобы прокормить себя и ребенка, молодая мать, не получавшая помощи от отца ребенка, нанималась в няньки, прислуги, работницы. Но в том случае, если беременная девушка не изгонялась из семьи, дети ее становились равноправными членами семьи и общества, получив отчество «Богданович» («Богдановна»); в наследовании имущества они имели равные права с законнорожденными детьми [42]. Девушка с ребенком имела шанс выйти замуж, но часто только за вдовца [43].

Итак, подведем итоги. Потребность в детях в вепских семьях и репродуктивное поведение самих женщин определялись прежде всего социальными и лишь во вторую очередь индивидуальными факторами. На формирование социальных факторов и, следовательно, на отношение к материнству до начала XX в. оказывали влияние две традиции — народная и церковная. Народная концепция материнства изначально придавала ему большую ценность. Бездетной паре грозила бедность. Бездетная женщина, как и бездетная семья, в крестьянском мире оказывалась неравноправной. И светская, и церковная традиции высоко оценивали репродуктивные и воспитательные функции женщины-матери и в равной мере формировали норму межличностных детско-родительских связей. Стандартом для вепского общества XIX — начала XX вв. была высокая рождаемость, хотя детность семей была средней (немногие из детей доживали до совершеннолетия). Отношение самих женщин к частым родам было двойственным: в них видели и благо, и тяжелое бремя. Бесплодие и выкидыши могли быть приписаны религиозному нерадению. Родовспоможение до начала XX в. оставалось на низком уровне. К смертям детей матери относились как к неизбежности. Характерной чертой взаимоотношений матерей и детей в традиционной вепской семье XIX — начала XX вв. была их эмоциональная насыщенность.

1. Майнов В. Приоятская чужь (Весь-Вепсы) // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т.2. №5. С.38-53; №6. С.133-143.
2. Колмогоров А. Поездка по Чухарии (Предварительное сообщение) // Землеведение. 1907. Кн. III-IV. С.1-33.
3. Колмогоров А. Чухарская свадьба (Черты обрядовой жизни чухарей) // Сб. в честь 70-летия проф. Д.Н.Анучина. М.: Издво Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Моск. ун-те, 1913. С.371-393.

4. Борисова А. О взаимоотношениях полов у чухарей // Старый и новый быт. Л.: Госиздат, 1924. С.59-80.
5. Макарьев С. Вепсы. Этнографический очерк. Л.: Кирья, 1932. 42 с.
6. Пименов В.В. // Сов. этнография. 1957. №3. С.158-163.
7. Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.-Л.: Наука, 1965. 264 с.
8. Пименов В.В., Строгальщикова З.И. Вепсы: расселение, история, проблема этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности / Отв. ред. В.В.Пименов. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1989. С.4-26.
9. Винокурова И.Ю. Вепские заветные праздники охраны скота // Там же. С.119-130.
10. Винокурова И.Ю. Аграрная обрядность начала зимы у вепсов (конец XIX — начало XX вв.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. С.5-27.
11. Винокурова И.Ю. Дети в некоторых обрядах и представлениях вепсов // Там же. С.41-63.
12. Винокурова И.Ю. Календарные обряды, обычаи и праздники вепсов (конец XIX — начала XX вв.). СПб.: Наука, 1994. 122 с.
13. Строгальщикова З.И. Погребальная обрядность у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. С.65-84.
14. Строгальщикова З.И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Там же. С.95-106.
15. Строгальщикова З.И. Вепсы // Мы живем на одной земле. Население Петербурга и Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1992. С.164-184.
16. Горб Д.А., Засецкая М.Л. Трудовое воспитание у прибалтийско-финских народов Северо-Запада СССР // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР: В 2-х ч. Ч.1. Л.: Музей этнографии народов СССР, 1991. С.5-17.
17. Борисова А. Указ. соч. С.58.
18. Богословский Н. Общий очерк образа жизни и характера жителей Новгородской губернии // Новгородский сб. 1865. Вып.1. С.16.
19. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): В 2-х т. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С.182.
20. Баранова А.А. Полевой дневник научной экспедиции в Тихвинский район Ленинградской области. Июль 1974 г. // Научный архив Российского этнографического музея. Ф.2. Оп.1. Д.1774. Тетр.2. Л.27.
21. Борисова А. Указ. соч. С.63.
22. Вепсы // Народы Европейской части СССР: Этнографические очерки: В 2-х т. Т.2. М.: Наука, 1964. С.372.
23. Харузина В.Н. Несколько слов о родильных, крестильных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонекской губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 1-2. С.98.
24. Там же. С.89.
25. Борисова А. Указ. соч. Л.7.
26. Строгальщикова З.И. Материалы по родильной обрядности вепсов. С.98-99.
27. Там же. С.100.
28. Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е.И.Клементьев, Н.В.Шлыгина. М.: Наука, 2003. С.409.
29. Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // Этнографическое обозрение. 1899. № 1-2. С.108.
30. Строгальщикова З.И. Материалы по родильной обрядности вепсов. С.102.
31. Там же.
32. Косменко А.П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука, 1984. С.42.
33. Там же. С.103.
34. Борисова А. Указ. соч. С.59.
35. Прибалтийско-финские народы России. С.411.
36. Редько А. Указ. соч. С.84-86.
37. Горб Д.А., Засецкая М.Л. Указ. соч. С.7-14.
38. Лескова А.В. О чухарях // Научный архив Российского этнографического музея. Ф.1. Оп.2. Д.373. Л.36.
39. Там же. Л.8.
40. Там же. Л.27.
41. Там же. Л.28.
42. Майнов В. Указ. соч. №6. С.26.
43. Лескова А.А. Указ. соч. Л.28.